

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

МИР

ПСИХОЛОГИИ

№4

научно-методический журнал

октябрь-декабрь '07

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

МИР ПСИХОЛОГИИ

Научно-методический журнал

№ 4 (52)

Октябрь — декабрь

Москва — Воронеж
2007

Личность

Старовойтенко Е. Б.

Рефлексия личности в культуре¹

Перспективной стратегией развития отечественной персонологии выступает разработка культурно-психологического подхода к личности. Одной из его версий является научное направление, названное нами **культурная психология личности** [8].

В контексте данного направления подчеркивается значение тех культур, где идеи «личности» и «индивидуальности» исторически приобрели высочайшую ценность, воплощаясь в способах жизни людей, в философии, искусстве, литературе, гуманитарных науках и психологических теориях личности. Такой культурой является европейская культура с ее неотъемлемой русской составляющей. Важнейшие особенности культурной динамики и становления персонализма в Европе были обобщены Э. Гуссерлем. Это непрерывное обращение к проблемам духа, интеллекта, общества, человека, творчества, а также попытки связать их в целостные мировоззренческие системы, центрированные на «индивиде» и «индивидуальной личности». В поступательном движении к разрешению данных проблем культура порождала «бесконечные идеи», направляющие практическую жизнь и волю европейцев.

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального научного гранта 2007 г. Научного фонда ГУ — ВШЭ. Номер гранта 07-01-92.

— В Европе есть нечто уникальное, что ощущается как некое начало, заставляющее людей разных групп человечества европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию.

— Европейцам присуща определенная энтелехия, которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему единонаправленность в стремлении к *идеальному образу жизни* как вечному полюсу.

— Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения в историческом движении всего человечества, начиная с появления и действия идей в малых и даже мельчайших группах. Зарождаясь в отдельных личностях, идеи представляют собой смысловые структуры с удивительной, небывалой способностью скрывать в себе интенциональные бесконечности.

— Порождая идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль *личностного существования* внутри своего жизненного круга.

— Распространяется тип *личности*, живущей в изменчивом мире, но ориентированной на полюса бесконечности. Благодаря этому появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, порождением идей, самопознанием, идеальным нормированием жизни, несет в себе горизонт бесконечной смены поколений, обновляющихся в идеальной духовности [4].

Издавна культура Европы признает большое значение духовного и деятельного начал человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляющихся в ней свою личностную сущность, она выступает европейской мерой отношения человека к другим и к самому себе. Развившиеся в этой культуре **учения о личности** способствовали формированию «гуманитарного европеизма» и непрерывно поддерживают общественный интерес к личности единичной и «соборной», выдающейся и ординарной, развивающейся и регрессивной, к личности как объекту научного познания и *субъекту рефлексии*. Существуют и преобразуются специфически европейские каноны понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья, болезни личности. Культура располагает множеством детально разработанных и стихийно развившихся средств жизненной поддержки индивидов.

В длительном познавательном отношении к человеку, европейская культура породила, сохраняла, совершенствовала идеи о свойствах, сущности и бытии личности, которые можно обозначить как исторически «сквозные идеи». Укоренившись в культурном наследии, превратившись в архетипы культурного бессознательного и устойчивые матрицы сознания, они активно регулируют индивидуальную жизнь.

На основе исследования культурогенеза «личности» и «индивидуальности», пытаясь следовать стилистике авторитетных текстовых источников, мы осуществили одну из возможных реконструкций «сквозных идей», объединив их в **модель культурного потенциала индивидуальной личности**. Иначе ее можно обозначить как «модель европейской личности» [8].

1. Личность в своем взаимодействии с миром исходит из *абсолютных мер жизни*, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеального, Бытия, Слова. Присутствие абсолюта в бытии личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в попытках веры, деятельного служения и трансцендирования.

2. Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее *живыми множественностями людей*, подобных ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. Коллективное ощущается и понимается ею не в качестве довлеющей тотальности, а в качестве плодотворной среды совместного с «другими» проявления архетипов, творения ментальности, выработки стилей поведения и деятельности, создания ценностей и самопознания. Целью и сутью соединения личности с общностью является ее внутреннее превращение в «часть, индивидуально вмещающую целое».

3. Абсолютное и коллективное представлены в личности способом культурного опосредования, а именно в формах религиозности, этики, науки, философии, искусства, канонов быденной жизни. Активное *культурное априори* придает всем жизненным отношениям индивида направленность на освоение, оценку и преобразование культуры. Трансцендентное, общественное и культурное слиты в едином, сложном ритме детерминации личности.

4. Определение мер сакрального, общественного и культурного бытия личности происходит в соответствии с ее *природным априори* или витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно задает ее влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, психодинамику, сексуальность, психофункциональные возможности, сенсорно-интуитивный опыт познания, действия и потребления. Психические компоненты природной организации сосредоточены в *бессознательном* личности. Они конституируют самость личности, ее «естественную» внутреннюю жизнь, ее врожденный душевный потенциал. В процессах жизни бессознательное обогащается психическими содержаниями, оказавшимися за порогом сознания, что расширяет невыражаемую сферу личности.

5. Сильным противовесом бессознательному аспекту личности является *рациональность* или способность к мышлению, логическим построениям, идеализации мира. Мышление, направ-

ленное одновременно на внешние объекты и самого индивида, развивается в качестве сознания, формирующего символическую границу внутренней автономии личности, препятствующую ее слиянию с предметной средой или общностью. Центром внутренней личности создается *Я*, которое, благодаря *рефлексии*, полагает себя свободным в выборе абсолютных социальных, культурных норм собственной жизни. «Норма — это, прежде всего, свободное отношение сознания к норме» [3, С. 902].

6. *Я* позволяет личности субъективно отделить свою психологическую сущность как устойчивую определенность потребностей, притязаний, способностей и характера от собственного существования, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и осмыслении. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания оно решает проблемы наполнения внутренней сферы личности новым жизненным содержанием, отождествления и разотождествления личности с другими людьми, собирания себя — множественного и многоликого — в единство, уникального самовыражения и самоутверждения личности в социуме и культуре.

7. Благодаря *Я* личность становится *основанием себя — живущей*, причиной собственных активных выходов в мир, которые состоят в индивидуальном развитии или творческом изменении коллективных форм и способов веры, познания, морали, социального поведения и самопознания. В связи с этим личность может полагать себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире и социуме, подтверждая безмерность ее *индивидуальности*.

8. Личностное *Я* самодостаточно в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако цели и смыслы *отношения к себе*, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены в иных *жизненных отношениях личности*, требующих активного культурного диалога с другими людьми. К ним принадлежат отношения к природе, жизни и времени, религиозное и этическое, интеллектуальное, эстетическое и творческое, социальное и политическое отношения. Полноценное осуществление отношений в системе «мир — другие — личность — я» предполагает равновесие или вскрытие и разрешение *противоречий* их сознательной и бессознательной динамики, их объективности и субъективности, рационального и эмоционально-чувственного аспектов, психического и практического способов реализации, коллективных и индивидуальных условий развития. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях остается за их внутренним «*Я-субъектом*» с его способностью инициировать интроспекцию, *рефлексию*, *самоисследование*.

9. Посредством отношений личность удерживает живые внутренние связи с «другими», будь то реальные люди из повседневного окружения, или выдающиеся авторитеты, или символические личности. «*Другой*» сохраняет свое присутствие во мне в форме «значимого для меня», «моего другого», «другого как я», «я как другого», «моего другого я», «недоступного для меня другого», «другого, для кого я недоступен». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие разновидности, включая подражание, имитацию, присвоение, обладание, принятие влияний, обратные влияния, признание взаимной свободы. В нормальном жизненном процессе происходит непрерывное интуитивное и рефлексивное дистанцирование *Я* от любой «другости». Личности проникает в другое *Я*, когда ей доводится нравиться, быть образцом, авторитетом или учителем, вызывать сопереживание, быть любимым и составляющим тайну.

10. *Суверенность*, самостоятельность личности в культуре и обществе обеспечиваются *деятельной* стороной индивидуальной жизни: профессиональными практиками, социальными действиями, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами внутренней личности, укореняясь в ее жизненных установках и *Я*, конкретные действия, поступки и творческие акты начинают глубоко определяться «*деятельной индивидуальностью*», что привносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании мотивов, намерений, целей, процессов, социальных результатов и личных последствий активности. Личность, деятельная в качестве *Я* и индивидуальности, обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусства, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, т. е. является *субъектом жизненного восхождения*.

11. Все, что происходит в личности и с ней, включено в общую историю *индивидуальной жизни*. Она соединяет освоенные личностью места жизни, неповторимые превращения объективного и субъективного времени, принятые и персонально преобразованные формы культуры, личный контур социальных связей, динамику взаимоотношений, трансформации сознания и бессознательного, изменения качеств и свойств личности, смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей. История индивидуального бытия становится *автобиографией* при участии *Я*, осмысливающим и творящим отношения прошлого, настоящего и будущего своей жизни. «Моя жизнь», или «мой жизненный путь», создается вобравшим личность общим потоком Бытия, силой ее исходного порыва «*быть*», ее бессознательной экзистенцией, ее сознательной активностью и следующей за жизнью рефлексией.

12. Личность может активно *самоопределяться* по отношению ко всему, что составляет ее личный, жизненный мир. Самоопределением она охватывает формы своей веры, значимые для себя общности, жизненные ценности, отношения интимности, способы сотрудничества, оказываемые на нее воздействия, отношение к здоровью, доступные сферы деятельности, индивидуальные достижения, жизненный путь и этапы становления *Я*. Меры и качества индивидуального самоопределения могут меняться в пределах активности — реактивности, инициативы — ухода, принятия — отрицания, конструктивности — критичности, целостности — противоречивости, оригинальности — нормативности, вариативности — однообразия, реалистичности — идеализации и т. д. Самоопределение в модусах активности, инициативы, конструктивности,

оригинальности, разнообразия, цельности, продуктивности и любви присуще *творческой личности* и образует творческий способ жизни.

Культурный потенциал личности, взятый в аспектах становящихся ценностей персонализма и свойств реальных индивидов, всегда будет нуждаться в кропотливом изучении, в анализе каждой из своих образующих, в историческом синтезе, отвечающем реалиям современного мира и жизни. Это становится особенно актуальным в периоды, когда перед индивидами и обществом встают задачи, требующие неординарного подъема в развитии и выражении определенных свойств личности. Речь может идти, например, о подъеме личного религиозного духа, или об активизации позитивных общественных установок личности, или усилении инициативы в индивидуальной деятельности, или повышении ответственности личности в этическом поведении и т. д. В условиях высоких ожиданий современного мира к инновационным прорывам в науке, технологиях, гуманитарной сфере, деловых отношениях закономерно растет запрос на **индивидуальное творчество**, субъектом которого является личность, вобравшая и реализующая основные ценности европейской индивидуализации: самодостаточность, самоопределение, самостоятельность, самопознание, созидание, единственность и уникальность. Возможно, как никогда раньше, необходимы «всплески индивидуальности», порождающие новации в культуре, социальном взаимодействии, самосознании и саморазвитии человека. Интеллектуальные образы такой индивидуальности, веками формируясь в культурогенезе, приобрели и приобретают неисчезающие черты, моделирующие **культурно-психологический потенциал творца**, нуждающийся в сохранении и развитии. Идея «творца» или «субъекта культуры» должна разрабатываться в контексте целостной модели европейской личности, приобретающей **методологический смысл**.

Контуры и содержание потенциала творца можно восстанавливать разными путями. Все зависит от поисковой установки исследователя, предпринимающего реконструкцию: философской, культурологической, литературной, психологической и т. д. Материалом реконструкции могут служить, например, разнообразные тексты, включая произведения и труды авторов — творцов, художественные и биографические тексты, посвященные творцам, рефлексивные тексты творческих личностей (исповеди, автобиографические описания, жизнеописания), научную литературу о творчестве. На наш взгляд, особый интерес представляет реконструкция, или **моделирование**, потенциала творца с позиций психологии личности, взятой в ведущих европейских координатах сознания — **Я** — субъекта — Других — жизненного самоопределения. В этой связи можно обратиться к **рефлексивным текстам**, определившим историческую динамику литературы («Автор об Авторе») и особо ценным для феноменологической психологии личности. Они заключают формы самопознания, самоотношения и самовыражения творца, которые являются реальностью его внутреннего мира и жизни, остающейся в длительном времени культуры.

Считаем актуальным исследование культурогенеза **Я** личностей, известных и своими уникальными культурными вкладами, и великолепными рефлексивными текстами, в частности Марка Аврелия, Августина, Пьетро Абеляра, Бенвенуто Челлини, Иоганна Вольфганга Гете, Льва Толстого, Карла Густава Юнга и т. д. Полагаем, что синтез моделей самопознания и **Я** выдающихся **субъектов культуры** будет служить концентрированному пониманию культурно-психологических предпосылок развития современных талантов и созданию технологий индивидуальной реализации этих предпосылок в целях масштабных социокультурных прорывов.

Моделирование личности на основе рефлексивных текстов («**Я**-текстов») является формой психологической герменевтики, предполагающей, кроме интуитивного понимания, применение той или иной теоретической концепции личности. В качестве такой концепции мы привлекаем систему положений о самосознании, жизненных отношениях, субъекте жизни и жизненном пути личности, развиваемую школой С. Л. Рубинштейна [5; 6].

Разрабатывая модели, важно учитывать богатый спектр возможностей литературных «**Я**-текстов» для культурно-психологического изучения личности.

Первое. Рефлексивный текст является отражением и субъективной репрезентацией жизненного пути Автора. Жизненный путь представлен, как

правило, в тех или иных мыслеобразных феноменологических «измерениях»: ситуативном, событийном, смысловом, поступковом, измерении встреч и взаимодействий с другими, измерениях умений — мастерства — произведений, измерениях желаний, чувств и направляющих идей, измерениях коллизий, успехов и поражений, измерениях отношений и свойств «Я-живущего». Иными словами, рефлексия жизни Автора формируется переплетающимися актами «это было в моей жизни», «это произошло со мной», «это имело смысл для меня», «я так делал и поступал», «я встретил Другого», «я испытывал отношения и действия других», «я работал, создавал, добивался успеха», «я желал, чувствовал, руководствовался идеями», «я ошибался, я преодолевал», «я обладал такими-то свойствами», «я так-то относился к себе» и т. д.

Второе. Рефлексивный текст, кроме образов и идей, характеризующих жизненный путь Я, выражает операциональный план рефлексии, т. е. «как я познаю себя». Текст можно психологически оценить по критерию преобладающих форм самопознания личности, к которым мы относим: рефлексия — самоисследование, ведущуюся в научных, философских, литературных понятиях; осознание переживаний и сознательную самооценку; активное самоосмысление; создание стратегий и сценариев самовыражения; проблемную рефлексия как вопрошание о себе; самопонимание [7].

Третье. Рефлексия и написание «Я-текста» становится не только возможностью сказать о своей жизни, но также утонченным способом протекания душевной жизни и самой внутренне-внешней жизнью Автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» [3. С. 894]. Жизнь, возведенная текстом в степени феноменологического усиления и интенсивного проживания, приобретает качество подлинности.

Четвертое. Рефлексивный текст, выступая дифференцированной и целостной картиной сознания Автора, делает множественные отметки его тайной жизни, умалчиваемого и бессознательного. То есть, выражая субъективное понимание и интерпретацию своей жизни и личности, Автор транслирует другим не только знание о себе, но и свои загадки.

Пятое. Рефлексивный текст заключает обобщенные «матрицы» или «формулы» самопознания, которые развивают культурные каноны поиска индивидами знаний о себе в данном типе общества. Пределы, границы, содержания и операции самопознания индивидов в социуме во многом конституируются критическими опытами рефлексии, принадлежащими персоналиям, творческая жизнь которых по определению опосредована их сильной, продуманной, осмысленной «Я-позицией».

Шестое. Рефлексивный текст формирует культурное осознание взаимодействий творческой личности с другими людьми. Он строится, как правило, в режиме диалогов «Я — Другие» и «Другие — Я», освещающая отношения Автора к конкретным личностям, социальной среде, обществу и их субъективно отраженные отношения к нему. Опыты взаимодействия Автора с другими людьми опосредуют его творческую деятельность и входят в ее ткань, независимо от своего позитивного или негативного качества. Не является редкостью то, что индивидуальное созидание сопровождается и оплачивается сложными конфликтами творца с окружением. Рефлексивные тексты содержат психологические модели поддерживающих и ограничивающих отношений других к Автору и его отдаче, сопротивления и противодействия другим. Модели индивидуальных отношений с другими могут обладать большой формирующей силой в системе социальных взаимодействий.

Седьмое. Рефлексивный текст позволяет выявить значимые научные данные о процессах и продуктах творчества, о путях индивидуализации и усиления активности творческой личности, о субъектных свойствах и способностях творца. Они используются исследователями при разработке моделей «творческой индивидуальности», «индивидуального субъекта», «индивидуальной личности», релевантных европейской культуре.

Некоторые из отмеченных возможностей рефлексивных текстов хорошо реализованы на уровне культур философских и культурологических исследований. В качестве примеров можно привести модели Я, предложенные

15) ощущения одиночества **Я** и риска самовыражения; 16) активную диалогичность **Я**, его стремление ко всему и вопрошание всех.

Проводя линию индивидуализации и рефлексивности личности до реалий современной жизни, Л. М. Баткин отмечает, что, как и люди средневековья или Возрождения, мы стремимся сознавать и описывать себя в соответствии с нормативной моделью, которой дорожим. В качестве такой модели к концу XVIII в. утвердился образ индивидуального **Я** как собственной бесконечной причины и основания.

В продолжение традиции изучения текстов самопознания мы разработали психологическую версию культурогенеза индивидуального творческого **Я** в его доминирующих связях с жизнью. В результате феноменологической реконструкции «Размышлений» Марка Аврелия, «Истории моих бедствий» Пьетро Абеляра, «Жизни Бенвенуто Челлини, рассказанной им самим» и «Исповеди» Льва Толстого была намечена **культурно-психологическая динамика самопознания творческой личности, направленного на ведущие жизненные условия ее самоформирования.**

Действие тех или иных условий в становлении творцов европейского типа, несомненно, нашло отражение в философии, культурологии, психологии. Однако сложный контур их субъективного осознания, преобладающей личной значимости, личного овладения ими и синтеза в управляющем жизнью «образе **Я**» нуждается в тщательном исследовании и преломлении в современных моделях творческой личности.

Выбор персоналий и рефлексивных источников был обусловлен принадлежностью Авторов к различным эпохам становления европейской культуры, их участием в развитии разных этнических форм единого культурного процесса (греко-римской, французской, итальянской, русской), мировым признанием творческих вкладов и влияний Авторов в области философии, искусства, литературы, высоким уровнем психологизма созданных ими текстов самопознания и большой частотой обращений и упоминаний этих текстов в различных науках о культуре.

По результатам наших исследований, **Я** выдающихся субъектов культуры охватывает активным осознанием, отношениями значимости и преобразованием относительно **константную структуру** жизненных аспектов. К этим аспектам относятся:

- **творчество** в его жизненном пробуждении, иррациональном и осознанном протекании, обусловленности даром, талантом или гением личности, продуктивном выражении в созданных образцах, идеалах, трудах, произведениях, изображениях, текстах;
- **взаимодействие с другими** как внутренние и внешние отношения с творцами-авторитетами, с родителями, с помощниками в творчестве, с вдохновителями, с врагами, с учениками, с референтным окружением, социумом, государством, носителями власти;
- **собрание ценных знаний** как опытная, рациональная основа творчества, относящаяся к традиции, обучению, концептуальным установкам и информационному обмену в творческой деятельности личности;
- **организация и динамика жизненных смыслов**, обосновывающие для личности мотивы, цели, способы, стратегии, перспективы, этапы, рефлексию ее существования, включая творческую деятельность и самореализацию в качестве творца;
- **противоречия жизни**, возникающие в динамике творчества, во взаимодействии с другими, в познании и самопознании, в поисках смысла и разрешаемые личностью с жертвами или приобретениями, путем активности или отступления, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;
- **самоутверждение**, состоящее в непрерывном творчестве, уникальных авторских результатах, отстаивании авторского достоинства, сопротивлении внешнему давлению на творческое **Я**, преодолении враждебности со стороны других, принятии одиночества для сохранения суверенности, превращении индивидуального в общепринятое, усилении **Я** средствами рефлексии, построении жизни в соответствии с идеалом человека или собственной моделью «**Я**-индивидуальности».

Кроме того, исследованные опыты индивидуального самопознания, относящиеся к культуре Античности, позднего средневековья, Ренессанса и культуре XIX—XX вв., указывают на **критически высокую рефлексивную выраженность определенных аспектов жизни творца** в зависимости от его принадлежности к конкретному периоду культурной динамики. Полагаем, что яркие рефлексивные акценты отражают не только индивидуальные установки Автора «Я-текста», но и действующие в то или иное историческое время каноны понимания человеком себя по избранным, доминирующим критериям. Творческая личность в контексте своего культурного времени, во-первых, эксплицирует и полно воссоздает существующие каноны самопознания и самоотношения человека, во-вторых, выходит за их пределы, в-третьих, инициирует появление новых моделей человеческого Я. Продемонстрируем обнаруженные и выделяемые нами рефлексивные акценты субъектов культуры.

«Размышления» Марка Аврелия [2] намечают и позволяют реконструировать образец человека как цели индивидуального самоформирования. Выражает себя Я, ТВОРЯЩЕЕ ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА. Определяются бытийные условия, пути и меры реализации идеала в собственной жизни и жизни других людей. Идеальное человеческое бытие диалектично объединяет богов — природу — тайну человека — его разум — разумную душу — умную жизнь — гения в человеке — общественность человека — других людей — Я — правила самопознания и самосовершенствования.

1. *Боги* устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой божественного Разума творится *Природа* — первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, т. е. распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является человек и его жизнь в мире. *Тайна человека* — соединение в нем тела, души и ума. Этому соединению способствует разумное отношение к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир.

2. *Разум* дан человеку от божественной Природы. Это «главствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; уловитель связи всего и всех отношений одного к другому; управитель человеческой жизни; придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок, складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к *умной жизни* в мире и к добродетельной жизни души. Задачей разума-ума является формирование правильных представлений о предметах, а именно: нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и раздельности, называние его собственным именем, знание всех элементов, его составляющих, и всех частей, на которые он распадается, познание ценности предмета для Целого. В единении с душой разум превращает ее в *разумную душу*, способную себя видеть, себя расчленять, делать себя такой, какой хочет, пожинать свой плод, приходит к своему назначению, все в себе делать полным и самодостаточным, обходить весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа — «сфера, светящаяся светом». Разум — в целостной, нерассеянной, собранной жизни.

3. *Гения* в человеке открывает и сберегает философия, которая придает жизни благой характер, отличающий ее от обычной человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть настигает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе, преодолеваем стихийность бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, сохраняем своего гения в чистоте, ничего не ожидаем и ничего не избегаем, храним покой, не доверяя какой-то одной из противоположностей, действуем по традиции наилучших времен, делаем свою жизнь завершённой, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

4. Разумные существа рождены один для другого. Человек по природе *общественное существо*, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от одного хотя бы существа, отпал от всей общности. «Не одинаковы ветка одинорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества. «Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно *помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов*, желать другим только добра; не порицать других, т. к. каждый может совершить погрешность.

5. Присущие мне свойства и образцы человеческих свойств достались мне от *других людей*: прадеда, деда, отца, матери, воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержание от плохого, неприхотливость, выносли-

вость, несуетность, пристрастие к философии, ловкость умозрительных положений, благожелательность, бесстрастность, неосуждение, обучение у друзей, восхваление учителей, долг перед ближними, владение собой, бодрость духа, скромность, мужество, надежность, последовательность, спокойствие, невысокомерие, нестроптивость, нетщеславие, трудолюбие, справедливость, самодостаточность, приветливость, независимость, приверженность старому, зрелость, невозмутимость, стойкость, поддержка богов, божественные подсказки и знамения, хорошее здоровье, помощь другим.

6. Я могу *узнать себя*, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам. То же можешь сделать и ты.

— Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.

— Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что не вкрадывается в настоящее неизвестное.

— Спрашивай себя сразу по пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут правда, верность, стыд, закон, добрый гений.

— Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, доподлинный, осмысленный, единомысленный, свободомысленный.

— Смотри внутрь — там источник блага.

— Делай то, что от тебя сейчас требует природа.

— Само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.

— Благом является для тебя: общественное, неподатливость для переживаний, первенство духовных движений, неопрометчивость и пронизательность.

— Шестуй прямо, следуя собственной и общей природе.

— Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.

— Говори себе: это идет от Бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это — от случая, это — от других, это — от меня самого.

— Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

Рефлексия Пьетро Абеляра [1] конституирует творческую личность, вовлеченную во множество жизненных противоречий, связанных с враждебностью других людей и ее стремлением к сопротивлению и самоутверждению. Создается модель **Я, ОТСТАИВАЮЩЕГО СЕБЯ В ПРОТИВОРЕЧИЯХ С ДРУГИМИ**. Абеляр вскрывает коллизии, проступающие через конкретные жизненные события и относящиеся к его талантам — выбору занятий — обучению у знаменитых учителей — успехам — страстям — вражде учителей — неприятию соучеников — преподаванию и написанию авторских трудов — борьбе с выпадами против него — победам врагов — его отступлениям и малодушным поступкам — новым прорывам в познании — его славе — умножению врагов — готовности к противодействию — вере в личное искание истины. Содержательный контур этих «Я-оппозиций» может быть представлен следующим образом.

— Я отличался восприимчивостью и способностями к научным познаниям, отказался ради них от воинских подвигов, которых хотел от меня отец, «отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы».

— Я был одержим любовью к наукам. Среди них избрал философию, а из всех ее положений и методов — оружие диалектических доводов и победы в философских диспутах.

— Я изучал диалектику у Гильома из Шампо, выдающегося магистра, который принял меня благосклонно и благоволил мне до тех пор, пока я не попытался опровергнуть некоторые из его положений. Я стал ему неприятен, т. к. побеждал его в спорах и постепенно приобретал славу.

— Я видел, как он воспламенялся завистью ко мне по мере того, как распространялся слух о моем искусстве в диалектике, и по мере того, как меркла его известность.

— Я возымел о себе такое высокое мнение, что, несмотря на юный возраст, стремился открыть собственную школу. Мой бывший учитель и его сторонники противились моему влиянию на учеников, и я открыл школу в отдалении от Парижа, где мог более свободно нападать на противников в диспутах.

— Я возвратился в Париж и силой диалектических доводов опроверг учение Гильома об универсалиях. Он коварно лишил меня моих покровителей, и моя школа была отдана другому. Я сопротивлялся и вскоре вернул школу, выиграв битву.

— Я начал изучать богословие у Ансельма Ланского, обязанного своей большой известностью долголетним преподаванием и красноречием, а не умом и памятью. «Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом».

— Я ходил на его занятия все реже и реже, что тяжко обидело лучших учеников Ансельма. Они коварными наговорами вызвали у него ненависть ко мне.

— Я стал отрицать необходимость в чужом руководстве при толковании священных текстов и приступил к их собственному толкованию и чтению лекций по богословию. После первой лекции Ансельм стал мучиться завистью ко мне. Гильом преследовал меня в философии, Ансельм — в богословии.

— Моя школа принесла мне славу и благополучие. Беззаботное житье ослабляло силу духа и направило его к плотским удовольствиям. Я считал себя единственным в мире философом, был всецело охвачен гордостью, надменностью, сластолюбием и все больше отдалялся от философии и богословия.

— Я полюбил Элоизу, известную своими научными познаниями. Она ответила мне страстной любовью, но считала, что истинный философ отличается от других строгостью жизни и свободой от мирских забот, следовательно, не должен жениться.

— Я был жестоко наказан родственниками Элоизы за нашу тайную любовь. Особое горе причиняло мне то, что оскопленные люди считались нечистыми и по общему убеждению не могли заниматься философией и богословием.

— Я постригся в монахи, и вскоре монастырские предложили мне преподавать философию для бедных. Но в аббатстве царили дурные нравы, и я стал обличать братию за их мерзости. Они возненавидели меня.

— Ко мне съехалось множество школяров, другие школы стремительно теряли учеников, и магистры других школ стали возводить на меня разные обвинения.

— Я написал богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Наитруднейшие вопросы получили в нем разрешение, нравившееся многим.

— Мои раздосадованные соперники собрали против меня Собор для обсуждения моего трактата. Мне не дали слова для защиты под предлогом, что «весь божий свет не мог бы опровергнуть его доказательств и софизмов».

— Меня осудили за высокомерие, с которым я написал и распространил эту книгу. Книгу присудили к сожжению и меня заставили самого бросить ее в огонь. «И враги наши — судьи».

— Я удалился в пустыню, но вскоре ко мне съехались многие ученики и почитатели, отказавшись от городских благ. Обо мне говорили: «Вот за ним пошел целый свет». Я основал там храм и назвал его Параклетом (Утешителем).

— Слава моя росла, но враги стали распускать обо мне дурные слухи, и я должен был оставить Параклет на попечение Элоизы, также принявшей постриг. «Мне казалось, что язычники отнеслись бы ко мне более благосклонно, чем собратья по вере».

— Меня назначили настоятелем монастыря в Бретани, где я принял в управление неукротимую, непослушную братию. И там меня мучили «извне нападения, а изнутри — страхи». Вследствие непрерывных бедствий я считал себя наследником блаженного Иеронима.

— Я решил оказывать покровительство, помощь и преподавать науки в монастыре, основанном Элоизой. Свои несчастья я стал считать полезными, как некие искушения, и потому обращался к Богу со словами: «Да будет воля твоя!»

Рефлексия художника Бенвенуто Челлини [11], чарующая стройностью ренессансного текста, акцентирует произведения разностороннего гения Автора, его гордость творца, его самоотождествление с предками — отменными мастерами и с великими художниками, его подвиги и испытания в творчестве. С критически выраженной силой заявляет о себе **Я, ИЗОБИЛЬНО СОЗДАЮЩЕЕ ШЕДЕВРЫ**. Автор погружен в череду великого множества событий и ситуаций своей жизни, основная часть которых связана с дворцовыми запросами на его уникальную способность творить красоту вещей. Выстраивается модель непрерывного, жизненного движения **Я** от одного образного замысла к другому, от состоявшегося творческого процесса к новому, от завершенного изделия к вновь задуманному. Эта **продуктивная динамика**, с ее сопутствующими условиями, может быть воссоздана следующей рефлексивной моделью.

— Я описываю только вот эту мою жизнь и то, что к ней относится.

— Мой путь составляют благие отрады, доблестные дела, превратности судьбы.

— Я родился свободным и таким же свободным хочу жить.

— Родясь простым, я положил своему дому почтенное начало.

— В детстве мне явилась в огне Саламандра как знак будущего величия.

— Мой дед занимался зодческим искусством; отец был отменным рисовальщиком и музыкантом, обладал поэтической жилкой и пророческим даром.

— У такого отца я должен был стать мастером.

— Отец желал, чтобы я стал искусным в игре на флейте, но я с большим трудом убедил его учить меня рисованию. Вначале я попал в обучение к золотых дел мастеру.

— Я учился у многих мастеров (ювелиров, рисовальщиков, ваятелей) и многие из них, видя мое дарование и старание, любили меня, как родного сына.

— Я учился на прекрасном пошибе Микеланджело Буонаротти и Леонардо да Винчи, Рафаэлю да Урбино и Донателло, Юлио Романо и Тициана.

— Мои великие Учителя — люди с божественным талантом, искуснейшие, добродетельные, доблестные.

— Когда меня сравнивали с великими мастерами, это было мне наилучшим вознаграждением.

— Я был живописцем и ваятелем, владел золотым, серебряным, финифтяным делом, имел многих учеников.

— У меня был особый дар, ниспосланный мне Богом: усердие и преодоление трудностей, благодаря чудесному телесному сложению.

— Многие люди, обладающие властью, стремились заполучить мой талант. Папа Климент говорил: «Бенвенуто может гордиться тем, что служит государю, подобному мне, который его знает».

— Мне покровительствовали, помешали для работы в свои дворцы, соперничали из-за меня между собой герцог Лессандро, король Франции, герцог Пьер Луиджи, герцог Козимо, герцог Лоренцо Медичи, кардиналы наваррский, лотарингский, феррарский. Французский король сказал обо мне: «Я достал из Италии величайшего человека, который когда-либо рождался, полного стольких художеств».

— Для этих моих высоких заказчиков я сделал множество вещей, соперничающих с изделиями самых больших искусников: оправленные в золото бриллианты, вазы, медали, монеты, пряжки для шляп, застежку для папской ризы, драгоценные оклады для книг, серебряную посуду, модели 12 серебряных статуй богов, женские скульптуры, изваяние Персея для центральной площади Флоренции, мраморное распятие для флорентийской церкви, статую Нептуна для фонтана.

— Я делал работу такой тяжести, которая иногда убивала моих работников.

— Я подвигал одновременно множество работ.

— Мои враги говорили: «Бенвенуто — великий дьявол, сделавший то, что искусство не может сделать, и столько великих дел, каковых слишком много даже для дьявола».

— Я сознаю, что обладаю свободной волей.

— Я верю в Бога, судьбу и могущество звезд.

— Я достиг возраста пятидесяти восьми лет, с каковым столь счастливо, благодаря милости Божьей, *иду вперед*.

Значительным моментом в развитии рефлексии субъектов культуры стало обращение творцов XIX—XX вв. к **смысловому аспекту жизни** как тайне, загадке, проблеме индивидуальности. Это означало принципиальное изменение направления творчества и самопознания, сместившегося из «внешнего» пространства общественных идеалов, межчеловеческих взаимодействий, произведений и способов самовыражения во внутренний мир ценностей и значимостей личности. Предметом творчества становится ускользающий феномен смысла, поиск которого принимает форму углубленного исследования **Я**. Общие экзистенциальные установки, порожденные новоевропейской гуманитарной культурой, приобретают образ «творческого самообновления личностью своей жизни».

Критическим случаем смысловой рефлексии можно считать «Исповедь» Льва Толстого [9]. Текст открывает **Я, ИССЛЕДУЮЩЕЕ СМЫСЛ СВОЕЙ ЖИЗНИ**. «Смысл» для Толстого — это осознанная вера в то, ради чего стоит жить. Главной проблемой, направляющей его самопознание, выступает **динамика смысла**, состоящая из следующих циклов: нахождения смысла — возникновения смыслового конфликта — критики смысла — состояния опустошения — переосмысления — рождения нового смысла. Жизненный контур смысловых изменений представлен следующей моделью **Я** Автора.

— Моя жизнь является историей искания веры как смысла жизни.

— Во все времена моего детства меня учили *православной вере*, но то, что я испытывал, было скорее не вера, а доверие к тем, кто меня учил.

— Верование постепенно оттеснялось из сознания как не участвующее в жизни людей, окружавших меня, людей нашего круга и склада.

— В юности моей верой стало *совершенствование*. Я совершенствовал свой ум, волю, нравственность, но делал это не ради того, чтобы быть лучше перед Богом или перед собой. Я желал быть лучше, т. е. сильнее, славнее, богаче, перед другими людьми.

— В молодости меня хвалили за то, что я не могу вспоминать без ужаса: я убивал людей на войне, вызывал их на дуэль, проигрывался в карты, проедал труды мужиков, обманывал. Но смысл моей жизни, который я скрывал, составляло *стремление к добру*. Я был совершенно одинок, когда искал хорошее в себе...

— Я начал писать и считался чудесным художником. Мои товарищи по искусству верили, что жизнь идет, развиваясь, и главная роль в этом развитии принадлежит писателям, поэтам. Я тоже верил, что должен писать и печататься как можно больше, *учить и просвещать людей*, служить благу человечества. Но мы не знали при этом, что хорошо, а что дурно, не слышали друг друга и на самом деле хотели получать больше денег и похвал.

— Жизнь в Европе и сближение с европейскими учеными людьми укрепили мою *веру в прогресс* как естественный процесс совершенствования жизни.

— Счастливая семейная жизнь отвлекла меня от искания общего смысла жизни. Вся жизнь сосредоточилась на жене, детях, добывании средств к существованию. Я считал писательство пустяшным делом, но писал и получал за это огромное вознаграждение. Смыслом стала *благополучная жизнь семьи*.

— Некоторое время назад у меня появилось ощущение «*остановки жизни*», как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, что будет потом. Например думая о славе своих сочинений, я говорил себе: «Ты будешь славнее Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера — ну и что?» Многие вопросы к себе, падая в одно и то же место, «сплотившись без ответов в одно черное пятно».

— В пятьдесят лет жизнь моя остановилась, потому что не было у меня таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Истиной стало казаться то, что *жизнь — бессмыслица*.

— Я не мог жить, не думая о смысле жизни, и не мог не видеть смену дней и ночей, ведущих к смерти. Ужас приближения и ожидания смерти был слишком велик, и это чувство сильнее всего влекло меня к *самоубийству*.

— Я думал, что состояние отчаяния не должно быть свойственно человеку, а значит, я чего-то не понял о своей жизни. Я стал искать *разумного знания* о жизни в естественных и умозрительных науках, в философии и учениях мудрецов, но нигде я не нашел ответа на вопрос: «Зачем Я живу?»

— Я изучал людей своего круга и увидел 4 основных способа избежать отчаяния и переживания бессмысленности жизни: неведение и непонимание; эпикурейство; сила и энергия — выбор самоубийства; слабость — знание зла жизни, но продолжение ее в ожидании чего-то. Я выбрал *путь слабости*.

— Я должен был *оправдать свою жизнь*. Мой настоящий вопрос о жизни был такой: «Что выйдет настоящего, неуничтожающегося из моей призрачной, уходящей жизни?»

— Я обратился к религии и верующим, простым людям. Я увидел, что они признают смысл жизни в неразумном знании, т. е. в вере. Выходило *противоречие*: разум отрицал жизнь, породившую его, а вера требовала отречься от разума, чтобы оправдать жизнь.

— Я говорил себе, что сущность веры в том, что она придает жизни смысл, который не исчезает со смертью человека. Я искал веры, силы жизни. Я *искал Бога* как истины, которая не проясняется разумом, но помогает человеку жить. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога».

— Я бросился к изучению богословия, пытаюсь объяснить необъяснимое. Не разум, а сон помог мне. Я увидел, что вишу на невообразимой высоте: бездна внизу и бездна вверху. У моего тела нет опоры. Бесконечность внизу пугает и отталкивает меня. Бесконечность вверху притягивает меня. Я смотрю только *вверх*, и страх покидает меня. Я всем телом чувствую опору, вижу столб у своего изголовья, на котором держится эта опора. Голос сна сказал мне: «Заметь, это оно».

Таким образом, культурную динамику рефлексии творцов можно рассматривать как движение самопознания личности от одних «**Я**-акцентов» к другим — *от общественного к индивидуальному, от внешнего к внутреннему, от идеального к противоречивому и трагическому, от творческой деятельности и авторских произведений к смыслообразованию*. **Вехами культурогенеза рефлексии творцов** выступают: модель **Я**, создающего идеал человека; модель **Я**, отстаивающего свое творчество в противоречиях с другими людьми; модель **Я**, изобильно творящего шедевры; модель **Я**, исследующего смысл своей жизни.

Изучение культурной динамики **Я** творцов, основанное на модели европейской личности, раскрывает сложную структуру процесса и многоплановую обусловленность его формирования, а также необходимость поиска и создания новых методов психологического развития современных субъектов культуры.

Литература

1. *Абеляр, П.* История моих бедствий / П. Абеляр. — М.: Республика, 1992.
2. *Аврелий, М.* Наедине с собой. Размышления / М. Аврелий // Римские стоики. — М., 1995. — С. 271—363.
3. *Баткин, Л. М.* Европейский человек наедине с собой / Л. М. Баткин // Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. — М., 2000.
4. *Гуссерль, Э.* Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Культурология. XX век: Антология. — М., 1995. — С. 297—330.
5. *Рубинштейн, С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М.: Просвещение, 1973.
6. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2004.
7. *Старовойтенко, Е. Б.* Психология личности: (В парадигме жизненных отношений) / Е. Б. Старовойтенко. — М.: Акад. проект, 2004.
8. *Старовойтенко, Е. Б.* Культурная психология личности / Е. Б. Старовойтенко. — М.: Акад. проект, 2007.
9. *Толстой, Л. Н.* Исповедь / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: В 22 т. — М., 1989. — Т. 16.
10. *Фуко, М.* Забота о себе / М. Фуко. — Киев: Дух и литера; М.: Рефл.-бук., 1998.
11. *Челлини, Б.* Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим / Б. Челлини. — М.: Худож. лит., 1987.

Наши авторы

Базылевич Татьяна Федоровна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Басимов Михаил Михайлович — доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы юридического факультета Курганского государственного университета.

Баташев Александр Рафаэлович — научный сотрудник Лаборатории психического развития в подростковом и юношеском возрастах Психологического института Российской академии образования.

Бахтина Ольга Витальевна — ассистент кафедры педагогики и методики начального образования Воронежского государственного педагогического университета.

Дубровин Дмитрий Николаевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского городского психолого-педагогического университета.

Дьяков Алексей Константинович — исполнительный директор Нижегородского филиала Российского союза боевых искусств, член президиума Федерации айкидо айкикай России.

Егорычева Ирина Дмитриевна — кандидат психологических наук, и. о. доцента кафедры психологии развития Московского психолого-социального института.

Ермолаева Светлана Анатольевна — заведующая кафедрой педагогики Коломенского государственного педагогического университета.

Зыкова Маргарита Николаевна — кандидат психологических наук, преподаватель Детской школы искусств (Светлогорск).

Казakov Юрий Николаевич — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Козлова Мария Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии Государственного университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Лаборатории физиолого-гигиенических исследований в образовании Института возрастной физиологии Российской академии образования.

Колядина Татьяна Владимировна — аспирантка кафедры психологии Московского государственного университета сервиса.

Кравцов Олег Геннадьевич — докторант Института психологии им. Л. С. Выготского.

Лишин Олег Всеволодович — доктор психологических наук, заведующий Лабораторией психического развития в подростковом и юношеском возрастах Психологического института Российской академии образования.

Ломбина Тамара Николаевна — заведующая Лабораторией «Одаренные дети» Республиканского института развития образования и переподготовки кадров (Коми, Сыктывкар).

Лукша Виктор Григорьевич — доцент, научный сотрудник Лаборатории «Одаренные дети» Республиканского института развития образования и переподготовки кадров (Коми, Сыктывкар).

Манолова Олеся Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Маслюк Ольга Николаевна — кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель РФ, директор школы № 51 (Рязань).

Плигин А. А. — кандидат педагогических наук, научный руководитель ГОУ СОШ № 507.

Полякова Ольга Борисовна — кандидат психологических наук, помощник академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии Российской академии образования.

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Института философии Российской академии наук.

Сайко Эди Викторовна — доктор исторических наук, профессор психологии, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, действительный член Академии педагогических и социальных наук.

Смирнов Леонид Михайлович — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования.

Соловьев Игорь Олегович — докторант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Соловьева Наталья Викторовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Старовойтенко Елена Борисовна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности Государственного университета «Высшая школа экономики».

Степанов Павел Валентинович — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института теории и истории педагогики Российской академии образования.

Шмырева Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Воронежской государственной технологической академии.

Чернышев Ян Александрович — кандидат психологических наук, доцент, проректор-директор Учебно-научно-методического центра Ульяновского государственного университета.

Содержание

От редколлегии. Подросток на дистанции взросления и в пространстве его определения 3

Подросток в социуме XXI века

Современный подросток и его особенности

<i>Лишин О. В.</i> Подросток в эпоху перемен	11
<i>Баташев А. Р.</i> Моделирование социальной действительности в подростковом возрасте	26
<i>Егорычева И. Д.</i> Самореализация подростка: квазифеномен развития или норма возраста	37
<i>Розин В. М.</i> Подростковая культура: природа отклоняющегося поведения	49

Становление личностных свойств и качеств подростка

По ступеням к взрослости

<i>Кравцов О. Г.</i> Истоки становления и развития толерантной/ интолерантной личности в подростковом возрасте	57
<i>Дубровин Д. Н.</i> Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения в старшем подростковом возрасте	64

Условия и факторы развития подростка, задачи и средства воспитания

<i>Соловьева Н. В.</i> Условия и факторы развития подростка.	76
<i>Соловьев И. О.</i> Семья как акмеологическая среда развития подростка	83
<i>Степанов П. В.</i> Возрастные задачи подростка и профессиональные задачи педагога в пространстве совместного бытия	89
<i>Маслюк О. Н.</i> Технология вовлечения подростков в социально значимую деятельность	99
<i>Ермолаева С. А.</i> Учет культурного архетипа и ментальности при формировании правовых и нравственных ориентаций подростков	109
<i>Манолова О. Н.</i> Среда как психологический ресурс подростка	116

Методы исследования, коррекции и воспитания подростка

Исследование и коррекция

Шмырева О. И. Психологические особенности эмоционального реагирования в подростковом возрасте 124

Бушмарина Н. Н. Психолого-педагогическая коррекция и помощь современному подростку с отклоняющимся поведением и личностной деформацией 130

Воспитание и определение подростка

Басимов М. М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа 142

Научно-практические исследования

В мире образования

Стратегия воспитания

Плигин А. А. Познавательные стратегии в организации школьного образования и развитие личности школьников 159

Проблемы учебника и учебных курсов

Полякова О. Б. Быть или не быть: к вопросу об учебном курсе для будущих психологов «Психогигиена и психопрофилактика профессиональных деформаций личности». 174

Психолого-педагогические проблемы дошкольника и младшего школьника

К проблеме речевого развития

Ломбина Т. Н., Лукаш В. Г. Авторская программа «Читайка», или Как «приручить» детскую интуицию 184

Базылевич Т. Ф., Колядина Т. В. К индивидуализированным предикторам речевого развития дошкольника 189

Здоровье младшего школьника

Дьяков А. К. Айкидо как психолого-педагогическая технология поддержки развития детей младшего школьного возраста 202

Личность

Старовойтенко Е. Б. Рефлексия личности в культуре 209

Смирнов Л. М. Уровень ценности в структуре личности 220

Проблемные ситуации адаптации современного человека

- Козлова М. А.* Цена модернизации: исследование социально-психологической адаптации в условиях меняющегося мира (на примере учащейся молодежи Республики Марий Эл) 230
- Зыкова М. Н.* Опыт конструирования образовательного пространства для решения этнических проблем адаптации в условиях многонационального региона (на примере работы школы фольклора и ремесел Калининградской области РФ) 239

В пространстве акмеологических знаний

- Казakov Ю. Н.* Феноменология исследования категории «акме» психического здоровья 247
- Чернышев Я. А.* Понятие «профессиональная карьера»: сущностно-содержательная характеристика 257

Оригинальные статьи

- Бахтина О. В.* О некоторых теоретических подходах к проблеме развития интеллекта 268

Люди психологии

- К 80-летию А. М. Матюшкина 276
- Наши авторы 278